

А.185сб
297888

р. Августинюк

СКВОЗЬ

297888

БЛОКАДУ

ЛЕНИНГРАТ 1945



3228

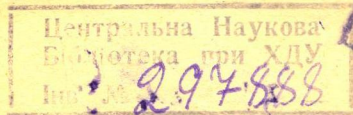
118(e1)2
2) Менаб.
3/ 32/89

АЛЕКСАНДР АВГУСТЫНЮК

A185сБ

СКВОЗЬ БЛОКАДУ

(Записки железнодорожника)



Ленинградское
газетно-журнальное и книжное издательство
1945

58

**Героическим железнодорожникам
Ленинграда, товарищам по работе,
посвящаю.**

ВМЕСТО ПРОЛОГА

ТАК БЫЛО

Темной, дождливой ночью мчится поезд. Машинист, напрягая зрение, смотрит вперед, стараясь разглядеть сигналы. В лицо бьет ветер, хлещет дождь, перемешанный со снегом. Механик на секунду закрывает глаза, торопливо смахивает со лба толстый слой мокрого снега и опять смотрит вперед. А снежная слякоть вновь настойчиво забивает глаза и, тая, стекает за воротник. Машинист знает, что сейчас на всем фронтовом участке железной дороги, на километр друг от друга, идут в Ленинград поезда. Они везут груз фронту и героям-ленинградцам: хлеб, топливо, боеприпасы... Все это шлет страна героическому городу.

А враг близок. Его передний край всего в трех-четыре километра от железной дороги. С пресловутой немецкой аккуратностью он методически обрушивает на единственную линию магистрали, связывающей Ленинград с внешним миром, тонны снарядов и бомб. Но груз

нужно доставить по назначению, поэтому глаз машиниста должен быть зорек, рука тверда. Водитель не имеет права увеличивать скорость. Если догнать поезд, идущий впереди, — произойдет крушение. А это равно поражению на фронте. Бойцы ждут снарядов; если боеприпасы задержатся в пути, воинская часть окажется обезоруженной перед лицом врага. И машинист смотрит вперед, сознавая свою ответственность перед Ленинградом, фронтом, страной.

В неясной мгле мелькают разрушенные путевые будки, кустарник, телеграфные столбы. Но что это? Впереди блеснуло пламя. Раздался взрыв. Сквозь свист ветра и шум поезда ухо машиниста улавливает характерный визг осколков. Обстрел усиливается. Вспышки разрывающихся снарядов возникают то сбоку, то сзади, то впереди поезда, на миг освещая придорожные кусты и редкие деревья. Выронив из рук лопату, без стога упал кочегар, насмерть сраженный осколком. Через минуту помощник машиниста схватился за голову. Между пальцев его больших, натруженных рук просочилась кровь. Приложив к ране платок, он глубже надвинул на лоб шапку и, посмотрев на манометр, снова подбросил угля в топку.

Новый снаряд оглушительно треснул за тендером. Когда рассеялся дым, машинист увидел, что помощник лежит у топки, уткнув-

шись лицом в рассыпанный уголь. Водитель хотел кинуться к нему.

— Друг!?

Но нельзя оставить регулятор. Вперед, только вперед! Поезд идет полным ходом. Могушая машина невредима, пар клокочет в котле и стремительно мчит паровоз.

Слезы застилают глаза машиниста. Нет, это не слезы. Это кровь. Машинист тоже ранен. Но он почти не чувствует боли. Он смотрит в окно. Вперед, только вперед! Голова его невольно поворачивается к лежащим на полу товарищам. Может быть, они пошевелиятся? Нет, помощник и кочегар лежат неподвижно.

Но почему вдруг стало так светло? Это горит зажженный снарядом вагон. Языки пламени, выгибаясь назад, жадно лижут крышу следующего вагона, и вот уже два ярких огненных снопа мчатся вместе с поездом. Механик знает: через несколько вагонов — цистерны с горючим. Надо остановить состав, потушить огонь. Но сделать это сейчас нельзя! Поезд идет по открытому месту. Если остановиться — немцы расстреляют состав. Нужно доехать до леса — там можно укрыться... Наконец, и спасительный лес. Еще сто—двести метров — и поезд остановился. Машинист кинулся к месту пожара и вместе с кондукторами отцепил горящие вагоны. Через десять минут огонь был сбит. Снова стало темно. Немцы не успели при-

стреляться по отблеску пожара и потеряли поезд из виду.

Сгоревшие, исковерканные вагоны оставлять в составе нельзя. Нечеловеческими усилиями люди, обслуживающие поезд, сбросили остатки искалеченных вагонов под откос и сцепили состав. Только теперь машинист наклонился над своим помощником, дрожащими руками расправил его спутанные, окровавленные волосы. Мертв!

Механик поцеловал бледное, перепачканное углем и кровью лицо друга, бережно поднял его и положил рядом с кочегаром. Нет больше с ним его верных товарищей!.. Он отклонил предложение членов поездной бригады перенести тела погибших в вагон и дать ему на паровоз других помощников. Этот рейс они закончат вместе с ним.

И снова стоит у регулятора машинист и смотрит вперед, стремясь во что бы то ни стало нагнать потерянное на стоянке время. Поезд убыстряет ход, освобождая путь идущим за ним составам.

Мелькая, убегают назад километры. Все ближе и ближе Ленинград. Победно звучит гудок паровоза. Груз будет доставлен во-время!

Вот и город Ленина... Поезд останавливается на конечной станции. Раненый машинист, мертвые помощник и кочегар привели его по назначению.

ЧАСТЬ I

ЛАДОГА

Глава I

«Красная стрела». — Эвакуация заводов. — В блокаде

Экспресс «Красная стрела» шел в Ленинград. Голубые паровоз и вагоны, со свистом рассекая воздух, пролетали мимо станций, оставляя за собой легкое облако пыли.

В вагонах стояла тишина, нарушаемая лишь однообразным стуком колес. Кое-где в купе пассажиры вполголоса перебрасывались словами. Чувствовалась близость врага. В окнах вагонов изредка виднелись разбитые вражескими бомбами дома. Шла война.

Главный кондуктор Михаил Георгиевич Кардаш проходил по коридорам вагонов, то и дело поглядывая на пассажиров. Вот у открытого окна с трубкой в зубах стоит майор. Он задумчиво смотрит на уходящие назад селения и леса. «Наверное, едет защищать Ленинград», — думает Кардаш.

У другого окна беседуют два безусых лейтенанта. Новенькие ремни скрипят на их плечах. Оба улыбаются.

«И они на войну едут», — мысленно решает главный кондуктор. Тяжело вздохнув, он выходит на тормозную площадку. Скоро Ленинград. Вот уже показались и пригороды; затем справа потянулись пути сортировочной станции с бесконечными рядами товарных вагонов.

Наконец, поезд остановился у платформы Московского вокзала. Раздались приветственные возгласы, поцелуи.

Кардаш огляделся. Попрежнему шумно в Ленинграде. Как будто и нет войны! Но тут протяжный вой сирены сразу вернул его к действительности. В течение нескольких минут на платформе стало пусто и тихо, и только голубой экспресс одиноко остался стоять у безлюдного перрона.



Немцы были близко. Уже прекратилось движение поездов на Лугу, Гатчину, Пушкин. Под ударами фашистской авиации оказалась магистраль Ленинград—Москва.

И когда через несколько дней Кардаш пришел в кондукторский резерв принимать очередной пассажирский состав, ему сообщили, что движение поездов на Москву прекратилось.

Немцы перерезали железную дорогу в районе Саблино и Поповка.

Это известие ошеломило Кардаша. Куда ему идти, что делать? Он уже не молод. За многие годы работы на транспорте седина покрыла его голову.

Тоска сдавила сердце. Старик побрел к вокзалу. Он прошел вдоль состава. Пусто. Никого!

«Красная стрела. Red arrow. Express», — прочитал Кардаш, и каким-то странным, ненужным показался ему яркий блеск начищенных зеркальных стекол вагонов.



У Ленинграда оставалась еще одна железнодорожная линия. Она вела на восток, через Мгу—Волховстрой на Киров. По этой линии непрерывно шли товарные поезда. В глубокий тыл, на Урал, эвакуировались ленинградские фабрики и заводы. Один за другим уходили составы, груженные станками и другим заводским оборудованием. Вместе с предприятиями уезжали рабочие, инженеры, служащие. Все на восток! Там создавалось производство могучего советского оружия.

На станции Ленинград товарная Финляндская в очередной состав грузилось имущество Н-ского завода. Вдоль вагонов бесконечными рядами стояли станки, моторы, ящики. Ответ-

ственные детали машин были смазаны тавотом и обернуты промасленной бумагой. Отдельно, огромными кучами высился багаж сопровождающих эшелон. Небольшой кран «Январец» быстро хватал один станок за другим и ставил их на платформы или опускал в полувагоны, где уже копошились десятки юношей и девушек, прикреплявших станки к полу. То тут, то там мелькали фигуры железнодорожников. Это дежурный по станции Корытин, заведующий грузовым двором Трофимов и весовщик Михайлова следили за правильностью погрузки, проверяли крепления.

Когда погрузка закончилась, кондукторская бригада приняла поезд. К составу подошел паровоз. Люди засуетились. Пора уезжать! Веселость и задор, царившие при погрузке, исчезли. Люди, только что копошившиеся вдоль всего состава, разбились на группы. В каждой — уезжающие и остающиеся.

Вот мать обнимает и целует дочь. Она смотрит на нее затауманенными от слез глазами и украдкой крестит. Тут старики-родители провожают сына. Паренек преувеличенно весел и поминутно смеется. Мать, глотая слезы, смотрит на него, пытается что-то сказать, но не может. Раздается протяжный гудок паровоза. Вдоль состава озабоченно пробегает главный кондуктор. Еще минута, свисток — и поезд медленно трогается с места.



26 августа 1941 года из Ленинграда на восток отправился последний пассажирский поезд. 27 августа немцы перерезали последнюю магистраль. Железнодорожная связь города со страной прервалась. Ленинград очутился в блокаде.

Для Михаила Георгиевича потянулись однообразные дни. Он ежедневно являлся в кондукторский резерв, охотно брался за любое дело; однако, проходя мимо стоявшего в парке голубого состава, с грустью смотрел на него. «Неужели я никогда больше не поеду со «Стрелой»?» — думал старик.

Через несколько дней Кардашу объявили, что он будет сопровождать товарные поезда, курсировавшие по линиям Ленинградского узла. — «Пассажирских пока не будет», — сказали ему. Но главный кондуктор обрадовался и этому. — «Какие угодно», — сказал он. — «Лишь бы дело делать».

Глава II

Оберегая грузы. — Всегда на посту. — Диверсант

Но наступил день, когда движение поездов прекратилось совсем. Тысячи вагонов, груженных заводским оборудованием, остались на путях станций ленинградского узла. Немцы

систематически налетали на эти места. Чтобы исключить возможность прицельного бомбометания, железнодорожники растаскивали вагоны по одному, а по ночам все свободные ст дежурства люди располагались в различных местах станции, чтобы тушить зажигательные бомбы, сотнями сыпавшиеся на рельсы, на вагоны и на служебные здания. Но случаев загорания вагонов от зажигательных бомб не было. Железнодорожники бесстрашно тушили их.



Дежурный по станции Коротин сидел за столом на распорядительском посту. Записывая в журнал приказ диспетчера о формировании поезда, он одновременно внимательно прислушивался к тому, что делалось на путях. Была объявлена тревога, и резкие выстрелы зениток разрывали тишину.

— Еще одна! Дави ее, каналью! — вдруг закричал кто-то.

— Фи-ю-у! — запело в воздухе. — «Еще партия «зажигалок» летит», — подумал Коротин, продолжая записывать приказ.

И в ту же минуту поблизости что-то резко и коротко ухнуло; яркий свет ударил в глаза. От неожиданности Коротин выронил телефонную трубку. Перед ним на полу вертелась тер-

митная зажигательная бомба, разбрасывая в стороны снопы огня.

Дежурный по станции посмотрел вверх. Распорядительский пост помещался в старом вагоне; бомба угодила в отверстие снятого вентилятора. «Тоже — «прямое попадание», — проворчал он и, схватив «непрощенную гостью» щипцами, выбросил ее в окно. Бомба, описав дугу, упала на землю. Облегченно вздохнув, Корытин снова приложил к уху телефонную трубку.

— Ну, что у тебя там? — недовольно спросил диспетчер. — Чего замолчал? Бомба что ли тебе на башку свалилась?

— Вот именно, — ответил Корытин. — Давай, продолжай. Какие еще распоряжения будут?



Особенно много вагонов скопилось на станции Ленинград товарная Финляндская. Начальник ее, Виктор Иванович Яковлев, энергичный человек с умным, худощавым лицом, неотлучно находился на своем посту, сначала руководя погрузкой и формированием поездов, затем охраняя их от немецких «зажигалок».

Только один раз собрал он составителей, сцепщиков, дежурных по станции, стрелочников и сказал им:

— Друзья! Нас мало, но сделать мы дол-

жны много. Я думаю, что ни один из вас в эти трудные для нашей Родины дни не откажется оберегать грузы, стоящие на колесах.

И никто не отказался от тяжелой, опасной работы. Стрелочник Макаров, составитель Кустов, дежурные по станции Корытин, Власов и другие, вместе со своим начальником, отстаивали ценное имущество.

Однажды темной октябрьской ночью Яковлев ощупью пробирался между вагонами к распорядительскому посту. Зажечь фонарь было нельзя: только что объявили воздушную тревогу. Внезапно, справа под вагонами, начальник станции заметил слабый свет. Что бы это могло быть? Яковлев нагнулся. Под соседним составом дрожал луч электрического фонаря.

Затаив дыхание, Яковлев бесшумно полез под вагоны. Сквозь густую тьму он увидел, как какой-то неизвестный вылез из-под состава; длинный шнур тянулся за ним. «Поджигатель!»

Ударом кулака Яковлев сбил диверсанта с ног и с бешенством ударил его еще несколько раз по голове. Диверсант затих.

Сняв ремень, Яковлев скрутил неизвестному руки, затем осмотрел место, где тот только что действовал. Под американским вагоном с ценным грузом, находившимся в самой гуще составов, лежала взрывчатка. От нее тянулся бикфордов шнур...

После этого случая Яковлев усилил охрану станции. Теперь без пропуска здесь нельзя было пройти ни днем, ни ночью.

Глава III

Мы вернемся. — Врагу ничего не достанется

Немцы были близко. Они обстреливали станцию Шлиссельбург. Снаряды рвались на путях, подымая в воздух тучи балласта и пыли.

Части Красной Армии заняли оборону вдоль берега реки. Старинная крепость на острове грозно уставилась жерлами пушек в ту сторону, откуда лез остервенелый враг. Жизнь станции постепенно замирала. Сквозь грохот наших орудий, отвечавших на огонь противника, изредка прорывался тонкий свисток маленького паровоза, торопливо сновавшего по путям. Он собирал стоявшие в разных местах вагоны.

Машинист Александр Михайлович Иванов сердито пригладил непокорный чуб темных волос и, закручивая реверс¹, сказал своим помощникам:

— Ну, посмотрите на милость! Как на-зло рассовали вагоны по всей станции. Поди, собери их тут быстро!

¹ Реверс — рукоять управления паровозом, служит для направления машины вперед или назад.

— А ты шевели колесами, — отозвался кочегар, — а то ползаешь, как рак!

Иванов уничтожающе посмотрел на кочегара. Это была красивая девушка, лет восемнадцати. Звали ее Валя Семенова. Открыв дверцу топки, она наклонилась, забирая лопатой уголь с тендера. Белокурые, выющиеся волосы упали на лоб. Повернув голову, Валя лукаво посмотрела на машиниста.

— Ох, Валентина Ивановна! Много я тебе позволяю. Придержи-ка язык! Ты пока еще всего-навсего кочегар, а я твой начальник. Поняла?

— Виновата, товарищ начальник! — едва удерживаясь от смеха, отозвалась Валя, и приняла усердно забрасывать уголь в топку.

Машинист посмотрел на нее и засмеялся — уж очень комичной показалась ему ее попытка построить серьезную физиономию. Валя фыркнула тоже, и на паровозе раздался звонкий молодой смех.

Подъехав к группе вагонов механик затормозил.

— Смеются! Смотрите-ка, как им весело! Тут стреляют, а они хохочут! Ну, чего раскудахтались? — раздался около паровоза голос. — Эй, комсомольцы!

Саша выглянул из окна паровоза и увидел главного кондуктора Кардаша. Подняв голову,

старик добродушно смотрел на молодого машиниста.

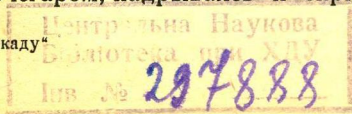
— Ишь, весельчаки! Кончайте свои разъезды. Заберем еще вон ту группу вагонов и двинемся до соснового леса, — сказал Кардаш. — Начальник приказал.

Паровоз двинулся вперед, но почти в ту же минуту на стрелке, закрывавшей вход к вагонам, разорвался снаряд. Стрелка была разбита; вывести вагоны стало невозможно.

— Чорт возьми, — выругался Иванов. — Сколько вагонов достанется немцам!

Однако, раздумывать было некогда. Быстро собрав остальные вагоны, машинист и главный кондуктор вывели состав на перегон к сосновому лесу и остановились, ожидая уполномоченного начальника дороги Шелепина и ревизора движения Морозова, которые еще оставались на станции.

Когда поезд был у поворота, всегда смешливая Валя притихла. Полными слез глазами посматрела она на остающийся позади Шлисельбург и прошептала: «Прощай, милый город...» До последней минуты ей как-то не верилось, что придется отсюда уйти, оставить станцию. Даже разрывы немецких снарядов, от которых она невольно вздрагивала, не могли ее в этом убедить, и только когда небольшой паровозик серии «О», на котором она работала кочегаром, надрываясь и скрипя всеми



болтами и скреплениями, потащил непосильный для него состав почти в сотню вагонов, Валя поняла, что надолго расстанется с родным городом. Она с тоской смотрела на исчезающие вдали дома, высокую белую церковь, темносиную гладь бескрайнего озера, похожего на море, и не могла примириться с мыслью о том, что в такой яркий солнечный день творится что-то страшное, непоправимое.

Слева мелькнул одинокий, одноэтажный маленький домик с садиком. Он был пуст, окна заколочены. Глотая слезы, девушка проговорила:

— Саша, взгляни: вот мой дом...

Машинист с грустью посмотрел на девушку, затем на исчезающий вдали город, купавшийся в лучах яркого летнего солнца, и сказал:

— Не плачь, Валюшка! Мы вернемся!...



— Ну, Алексей Семенович, — обратился Шелепин к Морозову, — по приказанию командования надо уничтожить станцию.

— А вдруг не возьмут? — возразил Морозов. — Жалко!

— А вдруг возьмут? — в тон ему ответил Шелепин. — Тоже ведь жалко...

В северном конце станции разорвалось несколько снарядов.

— Слышите? Это — они. Надо торопиться... Когда кончите — идите к сосновому лесу, там ждет поезд, — предупредил Шелепин.

Морозов вошел в вокзал. Сколько раз он бывал здесь и по служебным делам и по личным! Ожидая поезда, он садился на скамеечку на платформе и с удовольствием оглядывал красивое деревянное здание станции, выкрашенное в светлорыжий цвет.

Еще недавно здесь, на платформе, толпились люди. Мелькали нарядные платья, белые костюмы, загорелые лица. Пассажиры держали в руках корзинки с рыбой, ягодами, грибами. Над перроном стоял гомон веселых голосов. Когда прибывал поезд, все с шутками и смехом бросались в вагоны, стараясь занять лучшие места. Все это вспомнил ревизор, и его старое, морщинистое лицо исказилось болью. Он провел рукой по седой щетине, покрывавшей его давно небритые щеки, и вздрогнул. Да, надо спешить. Сейчас он должен собственными руками разрушить станционное здание.

Сопровождавший Морозова милиционер быстро натаскал в пассажирский зал папки с делами, стулья, скамейки, сделал из всего этого громадную кучу и обильно подлил ее керосином.

— Вот и поджигателем стал, — грустно прошептал ревизор.

Милиционер поднес к сложенному костру

горящую спичку. Пламя мгновенно охватило всю кучу. Морозов вышел на платформу. Черный дым клубами валил из дверей и открытых окон здания. Заходящее солнце в последний раз скользнуло лучами по стеклу, окрасив его в красный цвет. На платформе было мертвенно пусто, и только вдали на дороге и на берегу реки передвигались воинские части, готовясь встретить врага.

Морозов перебегал от постройки к постройке — и везде за ним стлался дым, вставали столбы огня.

Наконец, остановившись, Морозов с тоской оглянулся по сторонам. Впереди тоже были дым и огонь. Это горели оставшиеся вагоны. Ничто не должно достаться фашистам!

Невдалеке раздалось несколько взрывов: бойцы подорвали стрелки.

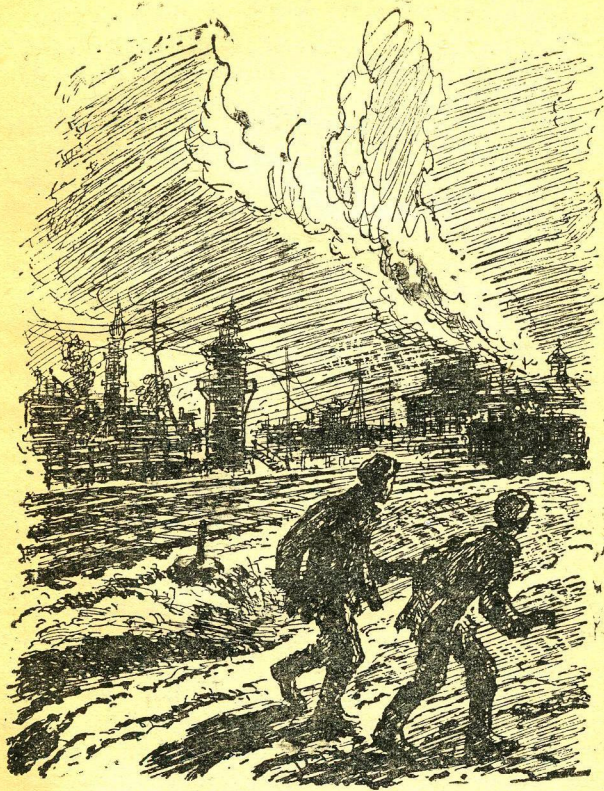
Немного спустя к Морозову подбежал запыхавшийся Шелепин. Лицо его было мокро от пота; он вытер его платком и пригладил редкие светлые волосы.

Остановившись, он хмуро посмотрел вокруг и сказал:

— Пойдем, Алексей Семенович! Все подорвали, все подожгли. Ничего им не останется, будь они прокляты!

— Пойдем, Александр Васильевич!

Оглянувшись в последний раз, они быстро пошли к лесу.



Оглянувшись в последний раз, они быстро пошли
к лесу.

Глава IV

Станция в глуши. — Рождение порта. — „Дорога жизни“. — Баржа пошла ко дну

В пятидесяти километрах от Ленинграда, на живописном берегу Ладожского озера располосжилась маленькая станция, называвшаяся «Ладожское озеро». Холодные волны омывали большие прибрежные камни, скатываясь обратно на мелкий, почти белый песок. Высокие сосны неумолчно шумели на берегу, раскачиваемые непрерывными ветрами. Но, несмотря на красивую природу, здесь было пустынно. Ленинградцы не ездили сюда: пу- гали вечные ветры.

В мирное время до этой станции ходили два пассажирских поезда в сутки и один-два раза в неделю — товарный. И этой-то маленькой станции было суждено прогреметь на всю страну.

На берегу Ладожского озера, клином вдававшегося здесь в сушу, оставалась незанятой немцами полоса земли протяжением в несколько десятков километров. Незанятой осталась и станция Ладожское озеро. И вот, по решению Военного Совета фронта, в районе этой станции в короткий срок был создан большой порт с пирсами, причалами, мощными портальными кранами. Вместо трех путей, проложенных здесь в мирное время, появились десятки

новых. Станция растянулась на несколько километров. Теперь тут деловито сновали паровозы. Пароходы тащили через озеро баржи, груженные продовольствием и боеприпасами. Обратно они везли заводское оборудование, которое до начала блокады не успели вывезти поездами.

Сложным путем — сначала по железной дороге, затем по воде, потом опять по железной дороге — Ленинград поддерживал связь со страной. Чтобы перевезти груз, его нужно было погрузить в вагоны, выгрузить на баржи, а затем опять погрузить в вагоны. Так начала действовать легендарная трасса, прозванная впоследствии «Дорогой жизни». Продолжением ее был железнодорожный путь от Ладоги до Ленинграда.



Один из руководителей Ленинград-Финляндского железнодорожного узла, Александр Тимофеевич Янчук, был ответственным за эвакуацию населения по железной дороге до места первой пересадки. Из Ленинграда ежедневно отправлялось несколько пассажирских составов с женщинами, детьми и стариками. Измученных голодом людей увозили в тыл; нередко они, обессиленные, умирали в пути; мертвых выносили из вагонов; остальные продолжали путешествие.

По приказу Народного комиссариата путей сообщения Янчук организовал пересадку людей на автомобили на станции Борисова Грива. Отсюда шоссе вело к берегу Ладожского озера, где находились специальные пассажирские причалы. Борисова Грива имела всего три пути. Для приема громадного потока пассажиров этого было недостаточно. Тогда в короткий срок были построены дополнительные пути. В двухэтажном деревянном доме около станции организовали пункт для обогрева и питания эвакуируемых.

Как-то в один из поздних осенних дней Янчук прибыл на станцию, чтобы обеспечить быструю эвакуацию группы детей. Поезд привел машинист Александр Иванов. Вместе с кондуктором Валей Семеновой они смотрели, как малыши вылезали из холодных вагонов и, проходя мимо паровоза, махая ручонками, кричали:

— Спасибо, дяденька-машинист! До свидания!

— До свидания, ребята! Счастливого пути! Поправляйтесь! — отвечал им Саша.

Посадка на баржу закончилась, и буксир, дав три коротких гудка, потащил ее за собой.

Иванов медленно осаживал состав, когда Валя, выглянувшая из окна будки, схватила его за руку.

— Смотри, Саша!



Громадный водяной столб поднялся в воздух.

Машинист взглянул в направлении, указываемом Вале́й, и сердце его замерло от ужаса. Баржа была уже далеко от берега, а над нею, вынырнув откуда-то из-за густых свинцовых туч, кружил вражеский самолет. Сделав крутой вираж, немецкий летчик быстро снизился, открыл стрельбу по барже и сбросил несколько бомб. Он видел, — он не мог не видеть, — что на барже были только дети, и тем не менее не прекращал огня...

С берега захлопали зенитки. Частые облачки разрывов светлым кольцом окружили самолет. Еще выстрел, еще — и немецкая машина, оставив за собой длинный хвост черного дыма, камнем упала в воду.

Однако, страшное дело свершилось. Одна из бомб, сброшенных фашистским стервятником, попала в середину баржи. Иванов услышал оглушительный взрыв. Громадный водяной столб поднялся в воздух. Когда он осел, на воде плавали только обломки досок и остатки самолета. Ни баржи, ни детей не было видно.

Глава V

Финляндский вокзал. — Петр Федоров

Разбитый бомбой навес над главной платформой Финляндского вокзала металлическими лохмотьями нависал над тысячами людей, сгрудившимися здесь в ожидании поезда.

Всюду возвышались горы тюков с имуществом эвакуируемых. На них виднелись надписи: «Вологда», «Молотов», «Киров», «Ташкент»... Трамвай не ходил, и люди пешком тянулись к вокзалу с различных концов города. Понуро, согнув плечи, ленинградцы тащили свой багаж; на детских саночках везли ослабевших от голода близких, чтобы спасти их от неминуемой смерти.

Посадкой людей в вагоны занимались руководители станции Ленинград пассажирская Финляндская: начальник станции Николай Петрович Солдатов и его заместитель Петр Алексеевич Федоров. Остальные работники станции, вплоть до стрелочников, старались, чем могли, помочь эвакуируемым. Они сами едва держались на ногах от недоедания, но все же перетаскивали им в вагоны багаж, снабжали их кипятком.

Свидетелями многих тяжелых картин были в те дни железнодорожники...

Заместитель начальника станции Федоров наблюдал за посадкой, как вдруг услышал позади себя детский плач. Он обернулся, и увидел сцену, бывшую в те дни в Ленинграде обычной. Около женщины, неподвижно лежавшей на тюках, стояли двое малышей. Они держали мать за рукав и, жалобно всхлипывая, просили:

— Мамочка, мамуля! Вставай. Идем на поезд. Смотри — все уже уходят!

Женщина не откликалась. Выбываясь из сил, она только что привезла на саночках багаж и двух своих ребятишек, но затем силы окончательно покинули ее. Она присела на тюки и... умерла.

Петр Алексеевич взял детей за руки.

— Глупенькие! — пытаюсь улыбнуться, сказал он. — Ведь мама спит. Она везла вас и устала. Вот мы снесем ее в комнатку, она отдохнет, а вы пока с другими поедете. Потом мама догонит вас, и все будет хорошо.

Старший из ребят, мальчик лет пяти, недоверчиво посмотрел на Федорова и плачущим голосом протянул:

— Да-а, спит...

— Ну, конечно, спит. Вот ведь ты какой хитрый! Хочешь, чтобы мама везла тебя и не устала?

Мальчик затих.

— Ну, ладно. Пускай спит, — сказал он.

Нашлась женщина, которая взяла ребят с собой. Ей передали метрики детей. Мертвую мать унесли. Петр Алексеевич пошел дальше. Как все было ему здесь знакомо! Федоров вырос на Финляндском вокзале: здесь он начал работать стрелочником, здесь же он стал заместителем начальника станции. Он любил свое дело и даже теперь, когда тяжелые месяцы

715

блокады подорвали его здоровье, он целыми сутками не уходил с работы.

В один из морозных зимних дней немецкие мерзавцы начали обстреливать Финляндский вокзал. Они стреляли по эвакуируемым, сея среди них смерть.

Федоров находился на путях. Он быстро отдал нужные распоряжения. Всех, оставшихся на вокзале, немедленно перевели в парк, и здесь прямо с путей стали сажать в вагоны. Заместитель начальника станции лично руководил маневрами, составляя пассажирский поезд. Но вот снаряды стали залетать и на пути; несколько штук разорвалось вблизи вагонов. К счастью, работы оставалось уже немного: надо было только соединить две части состава. И вдруг очередной разрыв сразил составителя. Федоров кинулся на его место. «Скорее сцепить состав», — мелькнула мысль. Но в этот же миг жгучая боль пронизала его. Правая рука оказалась зажатой между буферами. «Как же состав? Сцепить некому!» — промелькнуло в мозгу Федорова. Напрягая последние силы, преодолевая нечеловеческую боль, он левой рукой накинуд стяжку на крюк и, уже без памяти, повис между вагонами на буферах.

Очнулся он на платформе, и первое, что услышали окружавшие его товарищи, был вопрос:

— Ушел поезд?

— Ушел, — ответили ему.

Руку пришлось ампутировать. Но уже через полтора месяца Федоров вернулся из больницы и продолжал работать на прежнем месте. Казалось, ничего не изменилось в нем, только пустой правый рукав шинели был теперь засунут в карман.

Глава VI

„Живой водопровод“. — В Ленинграде

В один из очередных рейсов Кардаш доставил на Ладожское озеро порожний состав. Обратно, в Ленинград, он должен был сопровождать поезд с продовольствием.

Закончив приемку вагонов, Михаил Георгиевич озабоченно посмотрел в сторону озера. Стояла страшная зима 1941—1942 года. Работать было очень трудно. А тут еще как на-зло поднялась метель...

Но вот морщины, прорезавшие лоб старика, разгладились: он увидел, как, медленно прсбиваясь через огромные сугробы наметенного снега, одна за другой выползли из снежной мглы тяжело груженные автомашины. Они подъезжали к бесконечным рядам мешков с крупой, мукой, мясных туш, бочек с маслом

и, разгрузившись, вновь уходили в ледяную пустыню замерзшего озера.

— Посмотри-ка, — обернулся Михаил Георгиевич к кондуктору. — Везут! И как много везут! Действительно — «дорога жизни»...

Перед его глазами встали картины голодного Ленинграда. Тяжело вздохнув, он добавил:

— Следи хорошенько за вагонами, — как бы не взломали. Ведь этот груз идет ленинградцам!

Дав еще несколько указаний бригаде, Кардаш пошел к голове состава. Здесь он застал обычную для тех дней картину: от паровоза к водоему растянулась длинная вереница людей, передававших из рук в руки ведра, наполненные водой. Водоразборные колонки не действовали, и воду приходилось брать прямо из водоемов. Расплескиваясь, вода обливала руки людей, оставляя на рукавах толстую ледяную корку. Но люди продолжали передавать друг другу ведра, наполняя тендер водой.

К работавшим подошел дежурный по станции Николай Лисицын.

— Эй, «водопровод»! Веселей качай! — крикнул он. — Поезд отправлять пора!

Люди молчали. Лисицын озабоченно сдвинул на затылок фуражку. Он отлично видел, что всем не до смеха, но по опыту знал, что

порою шутка скрашивает самую тяжелую работу.

— Ну, чем не водопровод, — улыбаясь, обратился он к Кардашу. — Молчит, как полагается неодушевленному предмету.

Люди засмеялись. — Вот зубоскал!

— Ну, и чудо! Водопровод заговорил. Прошу ускорить работу!

Лисицын снял красную фуражку, помахал ею и, потирая озябшие уши, побежал вдоль состава.

Через несколько минут, скрипя на замороженных рельсах, поезд двинулся в путь. Потянулись знакомые северные картины: покрытые искрящимися снежными хлопьями деревья, небольшие перелески, кусты. Вдруг состав замедлил ход и остановился. Превозмогая боль в коленях — следствие цынги, — Кардаш слез с площадки и пошел к паровозу.

— В чем дело? — спросил он.

Машинист молча показал на поваленные бомбежкой большие деревья.

— Правильно, — сказал Кардаш. — Погрузим — пригодится!

Через некоторое время несколько стволов лежали на тендере. Уставшие от непосильной работы, голодные и озябшие кондукторы и паровозники заняли свои места. С довольным видом поглядывая на запас топлива, механик дал продолжительный гудок. Поезд двинулся дальше.



Михаил Георгиевич шел домой. Он спешил: непроглядная тьма уже спустилась на улицы города. Пройдя весь Литейный, старик свернул на Невский... Каким шумным и красивым был до войны этот проспект, залитый по вечерам электрическим светом! Толпы оживленных, хорошо одетых людей спешили по делам, в театры, кино и магазины; весело звенели трамваи, солидно гудели сирены автомобилей. А теперь...

Кардаш остановился и оглянулся вокруг. Теперь, в девятом часу вечера, проспект был пуст и безлюден. Театры и кино не работали, парикмахерские и магазины — закрыты. Редкие прохожие, закутанные в ватники и платки, пошатываясь, брели по панели. Тишина, темнота... Изредка из ночного мрака вырвется узкий луч затемненной фары броневика — и снова темень, мертвая тишина.

Морщась от боли в ногах, Кардаш двинулся дальше, к Московскому вокзалу. Внезапно он наткнулся на что-то длинное, лежавшее на панели. Человек? Да. Но уже мертвый. Когда он умер? Может быть, только сейчас, а может быть — несколько часов назад. Ему уже ничем нельзя помочь...

Угрюмые, черные дома безмолвно стояли вокруг. Нигде ни полоски света. Кардашу стало

жутко. Подняв воротник полушубка и втянув голову в плечи, он быстрее зашагал к своему дому.

Утром Михаил Георгиевич рассказал своим товарищам, почти не бывавшим в городе, о том, что он видел в эту ночь.

— Наш долг — помочь осажденному городу, — закончил он свой рассказ, и все горячо поддержали его.

Поразмыслив, Кардаш предложил машинисту Иванову отвезти на Ладогу двойной состав порожних вагонов. Пусть Ленинград получит груза на один поезд больше!

Иванов с радостью согласился. Двойной состав порожняка был доставлен на станцию Ладожское озеро.

Глава VII

Василий Елисеев. — Первый „тяжеловес“. — На сырых дровах

Машинист Василий Елисеев угрюмо смотрел на тендер.

— Чорт знает, что за топливо! Это «добро», наверное, сотню лет пролежало на задворках какого-нибудь завода, а теперь в топку его бросать приходится...

Кроме угольной пыли, смешанной с землей, на тендере лежали опилки, сланцы, немного дров.

— Вот и свежи тут состав с торфом, — вор-

чал машинист. — А электростанция не ждет! Слыхал — на сегодня для нее топлива не хватит.

Елисеев вздохнул. С болью в сердце вспоминал он о родном городе. Замерзший, засыпанный снегом, голодный, Ленинград стойко боролся с врагом. Нет, тут и думать нельзя о том, чтобы опоздать хотя бы на минуту. Машинист выглянул из будки. Длинный состав был готов к отправлению. Манометр показывал десять атмосфер. Маловато, но ехать можно.

— Ну, тронулись!

Состав плавно двинулся с места. Развивая ход, он шел к Ленинграду.

— А ну-ка, ребята! — сказал Елисеев своим помощникам, — покопайтесь-ка в угле. Отберите, что получше — в одну сторону, а что похуже — в другую.

Помощник и кочегар приступили к делу. Через час справа выросла кучка сносного угля, слева лежало топливо похуже.

— Так, — проговорил машинист, удовлетворенно оглядывая результаты «сортировки». — Значит, вторым рейсом повезем отсюда двойной состав торфа.

— Чего-о? — вытаращил глаза помощник.

— Две тысячи тонн, вот чего, — ответил Елисеев.

Помощник с сожалением и опаской погля-

дел на него. «Рехнулся Вася! И чего только человек с голоду не набрешет», — подумал он. Однако, боясь рассердить своего начальника, промолчал.

На конечной станции, когда паровоз прицепили к порожнему составу, чтобы вывезти его под погрузку на торфоразработки, Елисеев по телефону попросил диспетчера приготовить ему двойной состав.

— Ты, что? Ошалел, что ли? — ответил тот. — Шутки шутишь? Таскай чего дают!

— Я серьезно говорю, — повторил Елисеев. — Свезу, не бойтесь!

— Растянешься на перегоне, только пути закупоришь, — не сдавался диспетчер.

— Да нет же! Довезу. Вы поймите — выгодно-то как! Одним паровозом — два состава!

— Выгодно-то оно выгодно, но как ты это сделаешь? Или, может, у тебя хорошее топливо появилось? Так бы сразу и говорил.

— Топливо какое было, такое и осталось, — возразил Елисеев и, помолчав, добавил: — Ну, так как? Даете двойной состав?

— Чорт с тобой! Рискну, дам. Вези два. Все равно вместе отвечать, если в лужу сядешь. Василий, довольный, улыбнулся.

— Не забудьте дать мне «зеленую улицу», — бросил он на ходу.

Когда машинист прибыл на станцию, там

уже стояли готовые к отправлению груженные торфом вагоны.

— Сколько весу? — спросил Елисеев.

— Две тысячи тонн.

— Подходяще! — бодро сказал он.

Паровоз прицепили к составу. Машинист взглянул на манометр. Одиннадцать атмосфер. Мало!

— Подкинь-ка дровец, — приказал он кочегару.

Ярко вспыхнуло пламя в топке, стрелка манометра поползла по делениям. «Двенадцать. Хорошо!» — отметил про себя Елисеев.

Протяжным гудком ответил паровоз на свисток главного кондуктора. Машина напряглась, черный столб дыма винтом врезался в небо. Состав вздрогнул от головы до хвоста. Колеса тяжело провернулись на месте. Машинист сткрыл песочницу. Легкий, чистый песок посыпался на рельсы. Еще несколько усилий, и состав медленно тронулся с места. Елисеев осторожно передвинул регулятор. Поезд пошел быстрее. Теперь задача заключалась в том, чтобы максимально развить скорость. Впереди подъем — на него надо взлетать стрелой.

— Миша! Десять, пятнадцать лопат лучшего! Полешко, второе — вслед! — скомандовал он.

Помощник не отрывал глаз от топки. Паровоз, увлекая тяжелый состав, на большой скорости преодолел подъем.

— Теперь закрыть пар! Экономить! — командовал Елисеев. — Дальше поедem без добавки топлива.

Стремительно пролетают километры. Диспетчер обеспечил «зеленую улицу» — ни одной задержки на станциях! Летит время — летит поезд. Вот и конечный пункт. В тумане морозного воздуха видны здания электростанции. Паровоз, тяжело отдуваясь, остановился. Получай двойную норму торфа, Ленинград!



Отсутствие топлива грозило остановить движение. Весь уголь, который оставался на фабриках и заводах, был отдан железной дороге. Машинисты научились топить опилками, сланцами. И все же топлива становилось все меньше и меньше. Между Ладожским озером курсировало только несколько паровозов. Горы продовольствия на станции Ладожское озеро все росли и росли. Автомашины привозили больше, чем успевали вывозить паровозы. И тогда ленинградские железнодорожники пошли в лес. Зимой в мороз, целыми неделями не выходя из чащи, они валили деревья, пилили дрова. Сначала жили в палатках и шалашах, затем сами построили бараки.

Место, где находились лесные делянки Октябрьской железной дороги, называлось «Каменка». В этом ленинградском «Донбассе»,

как в шутку прозвали железнодорожники Каменку, расположенную в тридцати семи километрах от Ленинграда, побывали все рабочие, служащие, инженеры и техники дороги. Истощенные, больные, они заготавливали дрова, без которых не могли ходить паровозы.

По почину Василия Елисеева все машинисты Ладужской трассы обзавелись пилами, топорами. К скудной норме, которая отпускалась на паровоз, они добавляли свое топливо: поваленные взрывами деревья, старые шпалы, бревна от разбитых домов — все, что удавалось раздобыть в пути.

Паровозные бригады научились обходиться почти совсем без угля, с одними сырыми дровами, — инициатором в этом деле был машинист Кузьма Митьковец. На дровяном отоплении доставлялись даже тяжеловесные составы.

Так были сэкономлены тысячи тонн топлива.

Глава VIII

Ленинградские вокзалы мертвы. — Последние минуты Краева. — „Посмотри, что наделали немцы“

Долго тянулись тяжелые месяцы блокады. Ленинград со всех сторон был окружен врагом.

Пустынне и мертво стало на вокзалах города. Окна зияли черными впадинами. Беспощадная зима громадными сугробами завалила

вокзальные двери. Белая пелена расстилалась на путях, скрывая блестящие рельсы. Пушистые снежные шапки лежали на крыльях семафоров, на стрелочных фонарях. Видно было, что семафоры давно не открывались, а стрелки не переводились. Нигде ни дымка. Паровозы стояли без движения, укутанные толстым слоем серебристого снега. Все замерзло. Мертвую тишину на путях и в депо нарушали только разрывы немецких снарядов.



Машинист Иванов и кочегар Валя Семенова работали на линии Ладожское озеро — Ленинград. Очень часто встречали они Кардаша. Михаил Георгиевич похудел, осунулся, и только глаза его лихорадочно блеснули из-под нависших бровей. Он водил в Ленинград поезда с продовольствием, зорко оберегая груз от расхищения. Старик был попрежнему хлопотлив и деятелен, честно выполняя свои обязанности.

Встречая на стоянках Иванова и Валу, он неизменно спрашивал:

— Живем еще, детки? — И сразу же отвечал: — Живем, живем и выживем. Держитесь, ребята, крепче, не поддавайтесь!

И всегда после встречи с Кардашом на душе становилось светлее и легче, и даже на-

строение поднималось, несмотря на то, что хотелось есть, а есть было, в сущности, нечего.



Помощник Иванова — Иван Семенович Краев — умер. Саша знал о нем только то, что тот был когда-то машинистом первого класса и проработал на железной дороге сорок пять лет, из них тридцать пять — машинистом. С Ивановым он работал всего несколько месяцев, был тих и незаметен, но всегда получалось так, что Иванову и обращаться-то к нему не приходилось — у Краева всегда все было в порядке.

К очередной поездке старик пришел, как всегда, в поношенной черной ватной куртке и в картузе с выгоревшим следом силуэта паровоза на околыше, — такие картузы носили старые машинисты. В руках Краев держал железный сундучок. Здесь лежал его паек — 250 граммов суррогатного хлеба, чистое полотенце и мыло.

Старик остановился у паровоза, поставил сундучок на площадку, и взялся за поручни. Но занести ногу на ступеньку он не смог — не хватило сил. Краев поднял к Иванову высохшее, совершенно серое лицо. Давно небритая щетина была примята. В широко открытых,

неподвижных глазах таилась печаль старого, слабого человека.

— Саша, — тихо сказал старик, — помоги.

— Куда вы, дядя Ваня? — забеспокоился Иванов, — ведь вы совсем больны. Идите домой.

— Нет, не пойду. Некуда мне идти. Там у меня, — старик тяжело и глубоко задышал, — там у меня старуха моя, жена, Катя, мертвая осталась. Одна она... И я теперь один...

Старческий подбородок мелко задрожал. Скупые слезы медленно скатились по худым щекам и замерзли на остром подбородке. У Иванова сжалось сердце. Больной, умирающий, сраженный горем, старик все же пришел на работу! Вдвоем с Валею они втащили Краева на паровоз и посадили около топки. Валя оттирала ему озябшие руки, дышала на посиневшие пальцы. Несколько минут старик, как деревянный, сидел на ящике, затем стал валиться на бок. Валя, поддерживая его, заглянула ему в глаза. Блестящие, стеклянные, они неподвижно смотрели на девушку.

— Хорошие вы мои, — прошептал Краев, — товарищи...

...Несколько дней спустя Валя, сдав экзамен на помощника машиниста, заняла место умершего старика; кочегаром прислали молодого молчаливого парня Рыженко.



Иванов работал дни и ночи, не щадя сил. Однако, истощение давало себя знать. Он чувствовал сильную боль в ногах; суставы опухли, а на икрах появились красные точки. Это была цынга. Но Иванов не поддавался болезни. Он постоянно был в поездках, на стоянках старался больше ходить, хотя от нестерпимой боли в коленях часто морщился и скрипел зубами.

Валя с тревогой наблюдала за ним. Когда-то полная, краснощекая девушка, она тоже осунулась, стала бледной и худой, но голод переносила все же легче, чем Саша. В свободные от работы часы она ходила за город, разгребала снег и землю на огородах, пытаясь найти капустные листья и ботву, брошенную эвакуированными владельцами приусадебных участков. С этой добычей Валя приходила на квартиру к Саше и вместе с его матерью Анастасией Андреевной, с которой она крепко подружилась, варила подобие супа и кормила им своего машиниста.

Анастасия Андреевна горестно покачивала головой, глядя, как оба уписывали этот «суп».

— Ах, родные вы мои, такое ли вам надо кушать, — сокрушалась мать.

Маленькая, высохшая, преждевременно состарившаяся в эти тяжелые дни, она жила только сыном. Старушка видела, что Саша всерьез привязался к девушке и радовалась этому:

веселая, энергичная и ласковая Валя нравилась ей.

Валя в Ленинграде была одна. Родители ее, жившие в Шлиссельбурге, эвакуировались в первые дни войны; сидеть одной в пустой неопленной комнате было тоскливо, поэтому все свободное время она проводила в семье Саши.

Как-то вместе пошли они в город.

— Посмотрим, как там, в центре, — предложила Валя. — Давненько там не была...

Вернулись они подавленные и молчаливые. Их поразили пустынные дома с развороченными стенами и разбитыми окнами, безлюдные улицы с неубранными громадными кучами льда и снега, с застывшими и вмерзшими в мостовую троллейбусами, трамваями; одинокие фигуры, везшие на саночках на кладбище завернутых в тряпки скончавшихся близких.

Саша показал рукой на небольшую очередь людей, молчаливо стоявших у проруби на Фонтанке:

— Смотри, Валя, что наделали немцы! Ленинградцы даже воды не имеют. Проклятые фашистские гады!

Потом он замолчал и всю дорогу не сказал ни слова.

...Через два дня Иванов доставил в Ленинград состав в две с половиной тысячи тонн весом.

Глава IX

Пожарники. — Радость. — „Ладожская стрела“

Михаил Георгиевич поднялся рано утром, чтобы идти в очередной рейс. Старик с трудом встал на ноги. Суставы ног сильно распухли; кожа стала синевато-белой. Украдкой взглянув на жену, Кардаш поспешно сунул ноги в валенки и встал. От сильной боли на глазах выступили слезы. Обычно неунывающий, Михаил Георгиевич помрачнел. Неужели не дойти?

— Женья! — позвал он жену. — Дай-ка хвойной!

Он выпил стакан приготовленного женой настоя из хвой, заменявшего ленинградцам витамин С. Крякнул. Определил:

— Га-дость! Вот тминной бы — это да!

Но время не ждало: надо было спешить. Пошевелив ногами, он бодро сказал:

— Хм!.. Кажись, меньше болит. Дойду!

Жена умоляюще протянула к нему руки.

— Молчи, — предостерегающе бросил старик. — Все равно пойду.

Сокрушенно покачав головой, жена поставила на стол тарелку пустых щей из серых капустных листьев и желе из столярного клея.

— Ой, молодчина ты у меня! — обрадованно воскликнул Кардаш. — С тобой не пропадешь!

Немного погодя, прихрамывая, он уже шел по улице.



У главного перрона Финляндского вокзала Кардаш встретил Иванова.

— Как дела? — спросил он.

— Видишь, за водой приехал, — ответил механик. — Водоснабжение по последнему слову блокадной техники.

Вокзал был пуст и безлюден, только несколько пожарных суеилось около локомотива. С помощью шлангов они снабжали паровозы водой. С боку тарахтела мотопомпа. Через водяные колодцы она высасывала воду из недр толстых водопроводных труб. Высокий, худой инструктор, одетый в длинное брезентовое пальто, зло кричал на пожарных:

— Эй, вы, черти огненные! Аккуратнее лейте. Это вам не в огонь!

Набрав воду, паровоз, весь белый от инея, тронулся за составом. Но помпа продолжала трещать. Она трещала день и ночь, толкая воду по шлангам. Когда не было паровозов, воду гнали через рукава под платформу, выливая ее в бездействующие сточные колодцы. Минутная остановка на морозе могла превратить мокрые шланги в ледяные палки. Однако, все же мороз победил: вскоре вода исчезла. Но выход был найден и здесь. С одного из

тупиков станции Ленинград пассажирская Финляндская бойцы железнодорожного батальона проложили путь вдоль переулка, что у улицы Комсомола. На льду Невы в деревянной будочке установили мотопомпу. По толстому ребристому шлангу, поднятому вверх на откос берега, мотор погнал воду в тендер паровоза, стоявшего высоко на рельсах нового тупика.

Проблема снабжения паровозов водой была разрешена.



Иванов и Валя доставили тяжеловесный состав на Ленинград-сортiroвочную-Московскую и сдали паровоз смене. Они были в поездке двое суток, сделав за это время несколько рейсов. Усталые, оба двигались молча. Прошли мимо недостроенных и разрушенных бомбами корпусов Щемиловки. Вот и Володарский мост. Как далеко еще идти! Валя жила у Финляндского вокзала, а Иванов — еще дальше. Начинало темнеть. Набережная была пустыня.

— Посидим, — предложил Иванов.

— Не стоит, Саша. Потом еще труднее будет. Лучше давай двигаться потихоньку.

Сзади послышался шум мотора приближающегося автомобиля. Валя радостно обер-

нулась. «Остановим!» Она подняла руку. Полуратонка остановилась.

— Куда? — коротко спросил военный шофер.

— Поближе к центру, — ответила Валя.

— Можно. Мы на Финляндский.

— Годится! — воскликнула Валя и вместе с Ивановым быстро залезла в кузов. Здесь уже сидело несколько военных. Машина помчалась дальше. Утомленная дорогой Валя задремала. Вдруг внимание ее привлек разговор военных. Она прислушалась. Речь шла о каком-то пассажирском поезде. Она удивилась.

— Откуда и куда пассажирский?

— А вы и не знаете? С сегодняшнего дня постоянно будет ходить поезд до станции Ладожское озеро, — ответил один из военных и пошутил: — А еще железнодорожница!

Вот и Финляндский вокзал. Машина круто завернула к тротуару и остановилась. Вздвигнутые неожиданной новостью, Иванов и Валя, несмотря на усталость, прошли на платформу. Здесь происходило что-то необычайное. В темноте ясно виднелись три красных огня, расположенных треугольником, вершиной вниз. Валя и Иванов радостно переглянулись.

— Поезд! Настоящий пассажирский!

Раздался гудок паровоза, и красные огни стали медленно удаляться. Как зачарованные,

смотрели Саша и Валя вслед огонькам. Первый пассажирский поезд за время блокады!



Пассажирский поезд на Ладогу — «Ладожская стрела», как ласково прозвали этот состав железнодорожники Октябрьской, — отправлялся из Ленинграда в 19 часов 05 минут. Эта «Стрела» состояла из обыкновенных пригородных вагонов, не освещавшихся и в первое время даже не отапливавшихся. Но этот поезд связал город Ленина со всей страной. Пассажиры ехали со «Стрелой» до станции Ладожское озеро: оттуда — все той же «Дорогой жизни» — на автомобилях по льду озера, зачастую под вражескими бомбами, переправлялись на другой берег, где вновь садились в поезд и следовали дальше, в Москву или на восток.

Поэтому в то время, как остальные вокзалы города стояли с заколоченными дверьми, Финляндский вокзал снова ожил. К шести часам вечера здесь начиналось оживление. Со всех концов города сюда стекались люди с чемоданами, свертками и прочим ручным багажом. Это ехали в командировку военные, работники городских организаций.

Ровно в 19 часов 05 минут над Финляндским вокзалом раздавался гудок паровоза, и «Ладожская стрела» отправлялась в путь.

Глава X

„Северная“ и „южная“. — На Ладожском узле. — Шевченко. — Парторг Аристов. — Один за двоих

Фронт разрезал Октябрьскую дорогу на две части. Часть, оставшаяся в блокаде, стала называться «северной», другая часть — «южной». Центр ее расположился в Бологое. На «северной» части фактически действовал только Ладожский узел. Туда были направлены сильнейшие, опытнейшие железнодорожники.

В числе прибывших на Ладожское озеро был и заместитель начальника станции Ленинград товарная Варшавская Константин Терентьевич Шевченко. Явившись к вновь назначенному начальнику Ленинград-Финляндского отделения Александру Тимофеевичу Янчуку, он четко доложил:

— Заместитель начальника станции Ленинград товарная Варшавская, Шевченко, направлен в ваше распоряжение.

Янчук внимательно посмотрел на Шевченко. Ему понравились открытый взгляд и широкое, резко очерченное лицо нового работника.

— Вы назначаетесь заместителем начальника станции Ладожское озеро, — сказал он. — На вас возлагается большая ответственность. Предстоит много работы. Станция требует хо-

рошего хозяйского глаза. Помогите начальнику станции.

— Постараюсь оправдать доверие, — ответил Шевченко.

Работы, действительно, оказалось много. Станция не выполняла измерителей, ее технические возможности использовались слабо, и на первых порах Шевченко даже несколько растерялся.

Секретарем узлового парткома прислали Григория Ивановича Аристова. Шевченко и он понравились друг другу. Они быстро нашли общий язык и вдвоем принялись за дело.

Аристов организовал соревнование смен на увеличение погрузки, за ускорение сроков формирования поездов. У всех пунктов погрузки, на всех постах, появились лозунги, боевые листки, доски с показателями лучших образцов труда. Показатели эти постоянно освежались. Острые карикатуры били по больным местам. Всюду виднелись красочные плакаты: «Ладожец! Помни, — Ленинград ждет боеприпасов и продовольствия!». Секретарь парторганизации интересовался каждым человеком. Коммунисты и комсомольцы станции, дежурные Ашихман, Пржепиорский, грузовой диспетчер Кира Петрова и многие другие, вместе с лучшими беспартийными работниками активно помогали улучшать измерители. По передовикам равнялись остальные.



Стрелочник Осип Терещенок был угрюмый человек. Он равнодушно выполнял свои обязанности, на субботники не выходил, и, отдежурив положенные часы, жизнью станции не интересовался. Стрелки, которые он обслуживал, всегда были грязные.

Аристов решил поговорить с Осипом с глазу на глаз и пригласил его к себе в кабинет. Но в назначенное время Терещенок не явился. Тогда Аристов пошел к нему сам.

Стрелочник сидел один в общежитии и чинил сапог. Мельком взглянув на вошедшего, он продолжал ожесточенно ковырять шилом.

— Здравствуйте, товарищ Терещенок, — приветствовал его секретарь парткома.

— Здравствуйте, — не поднимая головы, ответил стрелочник. — Зачем пожаловали? Если зря — то мне недосуг, — делом, видите, занят.

...Полтора часа просидел Аристов у Терещенка. Много душевных усилий пришлось затратить секретарю парткома, чтобы узнать, что заставляет Терещенка избегать товарищей, равнодушно относиться к жизни станции. Наконец, он разговорился. История, которую услышал Аристов, была обиденной. Терещенок, давно оторванный от семьи, тосковал по жене и детям.

— На «той стороне» остались, — рассказывал он, отложив сапог в сторону. — На душе тоска. Работа нелегкая, инструмента нехватает. Живу, как пес. А тут еще никто слова толком не скажет. Ну, и стало у меня все из рук валиться... Отдежурю, лягу на койку, закрою глаза, — так бы ни о чем и не думал...

— Не дело делаешь, Осип Игнатьевич, — сказал секретарь. — Тебе, конечно, тяжело, но от того, что на койке лишний час пролежишь, своих скорее не увидишь. Надо иное что-нибудь придумать. Ты только тогда к семье попадешь, когда мы врага разобьем. А для того, чтобы врага разбить, надо нашей Красной Армии отличной работой помогать. А как ты помогаешь? Плохо. На твоих стрелках того и гляди крушения дождешься...

Стрелочник был задет за живое.

— Ладно, — сказал он. — Кое-что я понял.

Утром, проходя мимо поста Терещенка, Аристов заметил, что стрелки были отлично вычищены.



Благодаря дружным усилиям всего коллектива за короткое время были ликвидированы аварии при маневрах.

Особенно выделялись своей неутомимостью и мастерством дежурный по станции Николай Лисицын и составитель Гайдучек. В характере

Лисицына была одна особенность: чем труднее и сложнее складывалась обстановка, тем веселее и оживленнее он становился. Под стать ему был и Гайдучек. Составитель отличался особой культурой в работе. Все поезда, которые он формировал, составлялись точно по правилам и раньше положенного срока.

Однажды на станции был получен приказ — срочно сформировать состав со специальным грузом и отправить его в Ленинград. В это время налетели немецкие самолеты. Через ровные промежутки времени они стремительно снижались, давали по станции несколько пулеметных очередей и, быстро взмыв вверх, скрывались в облаках.

Не обращая внимания на стервятников, Гайдучек спокойно подавал сигналы. Из будки паровоза время от времени выглядывал Саша Иванов. Он следил за сигналами составителя и выполнял нужные передвижения.

Ранило сцепщика. Побледнев, он присел на край канавы.

— Куда ранило? — кинулся к нему Гайдучек.

— В руку. Немного... Продолжай, а то опоздаешь, — стиснув зубы, ответил сцепщик. Составитель подбежал к паровозу.

— Механик! Шевели живее колесами. Осталось пятнадцать минут, — крикнул он Иванову.

— Знай, посвистывай, дударь, — огрызнулся Саша. — За мною дело не станет.

Расцепив вагоны, составитель подал сигнал с такими переливами, что Валя высунулась из будки паровоза. Гайдучек на ходу подмигнул ей.

— Что, девушка, страшно? — и побежал дальше.

...Дежурный по станции взглянул на часы. Срок формирования состава истек, а сцепщик выбыл из строя. Где же тут одному составителю управиться?

Между вагонами мелькнула фигура Гайдучка. — Эй, Гайдук! Не сделали мы состава, а? Засыпались? — окликнул его Лисицын.

— Почему не сделали? Сделали.

— Как сделали? Так ведь ты один, без сцепщика!

— Ну, не совсем один, — засмеялся Гайдучек. — С помощником. Вот он летит!

Треск пулеметной очереди снова раздался над крышей. Заметив удивление Лисицына, Гайдучек пояснил:

— Он стрелял, а мне от него бегать пришлось. Ну, вот, быстрее, чем надо, и вышло...

Глава XI

Ладога летом. — „Вагонный поселок“. — В часы отдыха

Лето 1942 года было в разгаре. Ладога работала неумоимо. Караваны судов и барж

с продовольствием и боеприпасами причаливали к пирсам. Сотни грузчиков таскали из вагонов наполненные продуктами мешки, катили бочки.

Большие подъемные краны выгружали из барж тяжелые ящики и осторожно ставили их на платформы. На одном участке порта горючее перекачивалось из наливных барж в цистерны; на другом выгружали уголь. Одновременно горючее всех видов перекачивалось и по бензопроводу, проложенному зимой по дну озера; один конец его находился на восточном берегу, а второй — около одной из железнодорожных станций в районе порта Ладожское озеро.

Ленинград получал через Ладогу все, вплоть до электроэнергии из Волховской ГЭС, которая подавалась в город по кабелю, также проложенному по дну озера.

Немцы много раз пытались закрыть эту последнюю отдушину Ленинграда, но усилия их были тщетны. Узкая полоса воды, соединявшая два берега, оставалась в наших руках. Ежедневными налетами на пирсы и железнодорожные пути фашисты пытались дезорганизовать работу порта; однако зенитный огонь был настолько плотным, что немецкие стервятники не могли подступиться к жизненным точкам узла.

Неистовствуя, враг начал бросать бомбы с громадной высоты, без прицела. Но эта бес-

системная бомбардировка причиняла мало вреда. На территории станции, в разных местах, зияли огромные воронки; в них стояла дождевая вода и ребяташки пускали тут бумажные кораблики.



Один за другим шли груженные поезда — в Ленинград и из Ленинграда. В город прибывало все больше продовольствия, боеприпасов, различного оборудования. Начал поступать уголь. Блокированный Ленинград направлял в тыл изделия своих заводов и фабрик, станки, машины, электрооборудование. Станция «Ладожское озеро» превратилась в большой железнодорожный узел. Хилый станционный домик, стоявший здесь до войны, был капитально отремонтирован. Около вокзала разросся садик с газонами и скамеечками, окруженный низеньким заборчиком. Справа за вокзалом сквозь сосновую рощу виднелась синяя гладь озера.

Картина казалась такой мирной, спокойной, что трудно было предположить близость фронта. Не верилось, что враг систематически бомбит этот уютный уголок — маленькие домики, рощу, палисадник.

На Ладогe работало много людей. Здесь были военные, моряки, железнодорожники, женщины-ленинградки. Зимой все они жили

в бараках, на баржах, а летом — в палатках и шалашах. Все жили одной, дружной семьей.

Железнодорожники размещались в вагонах, укрытых в лесу. В вагонах было тесно; освещались они тусклыми керосиновыми лампами. Душой этого своеобразного «Вагонного поселка» был дежурный по станции Николай Лисицын. В его купе постоянно собирались товарищи. Они играли на гармонике, на гитаре, рассказывали друг другу разные истории, читали вслух свежие номера газет, пили чай, а если случалась водка — и водку.

Лисицын был человек веселый. Его не надо было долго упрямивать позабавить товарищей занятной историей. Пристанет кто-либо из друзей: — «Коля, совси что-нибудь, чтобы посмешнее», — и Коля охотно начинал рассказ, каждый раз новый, но всегда остроумный и интересный.

Но бывало, что повествование внезапно обрывалось: за окном раздавался протяжный вой сирены. И тогда смех сразу же смолкал; все кидались к выходу, спешили на свои посты. Когда бомбардировка кончалась, люди возвращались обратно. Иногда кого-нибудь не досчитывались. Тогда в вагонах становилось тихо. Если же все обходилось благополучно, снова раздавался смех, веселые возгласы, шутки. Но коротки были часы отдыха на Ладоге...

Глава XII

Обещание дано. — Прогулка по городу. — На пирсах. —
Цистерны плавают!

— Так вот, товарищ Шевченко. То, что вы многое сделали на станции, это хорошо. Однако, поездов даете пока еще недостаточно. Ленинграду нужно гораздо больше грузов. Я требую самых решительных действий. Надо усилить погрузку, увеличить число отправляемых поездов.

Янчук остановился, взглянул на заместителя начальника станции и снова стал шагать по кабинету.

— Все необходимое для станции вы получите, — продолжал он. — Многое вы уже получили. Что нужно вам еще, чтобы выполнить новое задание?

— Ничего не нужно, товарищ начальник. Задание понятно и будет выполнено. Разрешите идти?

— Идите. Желаю удачи.

Когда Шевченко вышел, Янчук обратился к своему заместителю:

— Выполнит. Вот увидите. Однако, надо будет съездить на станцию, помочь ему.



До отхода «Ладужской стрелы» оставалось три часа, и Шевченко решил пойти в город. Он знал, что враг продолжал систематически

обстреливать улицы Ленинграда, забрасывать снарядами больницы, театры, детские сады, квартиры, трамваи. Но он знал и о том, что ленинградцы не только отстаивали свой город, но и заботились о его благоустройстве. В апреле 1942 года сотни тысяч истощенных людей вышли на уборку дворов, улиц и площадей. Следы жестокой блокадной зимы — огромные ледяные глыбы, горы слежавшегося мусора и смерзшихся нечистот — были сколоты, собраны, вывезены, и город опять засиял чистой асфальтовых улиц.

На углу Невского Константин Терентьевич увидел необычайную, поразительную картину: весело звеня, по проспекту катился трамвай. Вряд ли какое-либо новое чудо техники могло так поразить ленинградцев в те дни, как поразило их вид пассажирского трамвая. Ленинградцы провожали вагоны восхищенными взглядами и — что греха таить — кое-кто даже садился и проезжал пару остановок без всякой надобности: просто приятно было снова ехать в трамвае.

Шевченко узнал и другие новости: в городе открылось несколько бань. Правда, их было еще мало, и билеты на право помыться выдавались в те дни на предприятиях, но все же это событие радовало всех... На одном из углов Константин Терентьевич заметил афиши: начало действовать несколько кинотеатров.

Радостным вернулся Шевченко на свою станцию. Обо всем виденном в Ленинграде он рассказал на собрании. Тут же он обстоятельно сообщил коллективу и о новом задании, полученном от руководства дороги.

— Вы видите, товарищи, как много сделали ленинградцы в борьбе с врагом. Мы должны им помочь, должны дать городу возможно больше груза, — заключил он. — А для этого я предлагаю начать формировать продовольственные поезда на станциях погрузки Ладожского узла и с места отправлять их в Ленинград, не переформировывая на станции Ладожское озеро. Это сократит время нахождения поезда в пути, ускорит оборот вагона и позволит увеличить погрузку продовольствия для героических ленинградцев.

Предложение было единодушно поддержано. Через день был сделан первый опыт.

На месте погрузки, у пирсов, поезд формировали Гайдучек, Лисицын и сам Шевченко.

— Ну, смотри, Гайдук, — ухмыльнулся Лисицын, — Оконфузишься — барахло будешь, а не составитель.

— Давай, начинай! — коротко ответил Гайдучек.

Состав был сформирован за двадцать пять минут — на десять минут раньше срока. Поезд прошел мимо станции без остановки; под погрузку были поставлены новые вагоны. Шев-

ченко торжествовал. На всех постах появились плакаты с призывом следовать примеру передовиков. С этого дня Ладога начала давать в сутки на 2—3 поезда больше прежнего.



Через несколько дней Янчук по телефону известил Шевченко, что из Ладожского узла на юг должны быть отправлены цистерны — часть запаса, который имелся на дороге. Шевченко удивился. — «Начальник что-то не того», — подумал он. — «По воде, что ли, хочет он их отправить?». Но вслух сказать этого не посмел и только осведомился:

— А как их отправлять?

— По воде.

— По воде-е? — опешил заместитель начальника станции. — Вплавь?

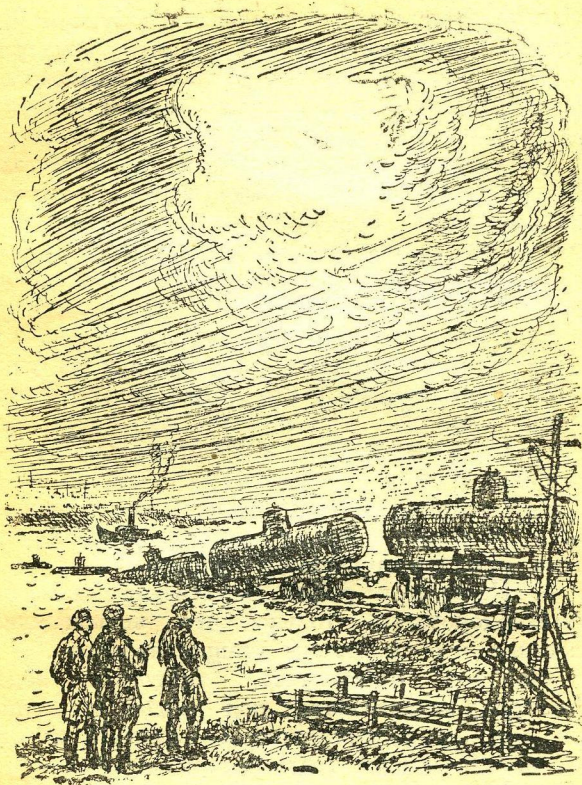
— Да, вплавь.

— Вот это здорово! Первый раз слышу.

— Первый раз и увидите, — засмеялся Янчук.

За несколько дней был построен путь, который по отлогому берегу спускался в воду и на несколько десятков метров уходил по дну в глубь озера. Путь укладывали железнодорожники и водолазы.

Наконец, настал день эвакуации цистерн. У «слипового» пути, — так называлась ветка, по которой предполагалось спускать цистерны



Цистерны одна за другой уходили в воду...

в воду, — собрались почти все работники узла. Вблизи берега на воде покачивался буксир; на соседнем пути стоял паровоз и пять цистерн. Тележки цистерн были тщательно прикреплены к резервуарам, а сливные трубы плотно закрыты, чтобы внутрь не попала вода.

По сигналу паровоз осторожно начал толкать цистерны к «слиповому» пути. На уклоне они потянули паровоз вниз, а он, упираясь, потихоньку спускал тяжелые резервуары к воде. Все, затаив дыхание, следили за происходящим.

— Утонут, — проговорил кто-то.

— Паровоз утащат! Смотрите, как он упирается — не поймешь, кто кого везет! — воскликнул другой.

— Не утонут — они ж пустые внутри, — успокоил третий.

Тем временем первая цистерна до половины ушла в воду. Паровоз, выбрасывая клубы дыма, продолжал спускать остальные.

— Поехали к рыбам, — уверенно заметил железнодорожник, только что выразивший опасение, что «цистерны утащат паровоз».

Но вот, расступаясь, зашумела вода. Цистерна, находившаяся под водой, медленно всплыла, — над поверхностью появился наливной колпак и одна треть резервуара.

— Ура-а-а!! — закричали вокруг. — Поплыли!

Машинист смелее двинул машину. Цистерны одна за другой уходили в воду и всплывали на поверхность. Когда последняя цистерна оказалась в воде, паровоз, зашедший передними колесами в озеро, отцепили, и он выкарабкался обратно на берег. К цистернам, чуть покачивавшимся на водной поверхности, подошел буксир, прицепил их и, дав три гудка, тронулся с места. Резервуары, вытянувшись в одну линию, послушно поплыли за ним.

— Ну, и дела! — восхищенно сказал Гайдучек. — Поезда по воде пошли!

— Теперь тебе только остается научиться маневры в воде делать, — пошутил Лисицын.

Цистерны медленно скрылись из вида. На противоположном берегу был проложен особого устройства путь, по которому паровоз при помощи троса вытаскил цистерны на берег.

Так были эвакуированы железнодорожные цистерны из Ленинграда.